

## ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРОГРЕССИВНОСТЬ КАПИТАЛИЗМА: ИСТОЧНИК И ГРАНИЦЫ

С. Губанов

С каждым очередным капиталистическим кризисом мир все основательнее задумывается над вопросом об исторической ограниченности капитализма. Если четыре десятилетия назад «Римский клуб» инициировал дебаты о пределах роста, благодушно оставляя в подтексте, что речь идет не о каком-то абстрактном, но капиталистическом росте, то сейчас уже сама социальная действительность, стремительно преобразуемая мерной поступью цифровой индустриализации, прямо ставит в повестку дня пункт о пределах капитализма.

Кризис 2007-2009 гг. поднял проблему до уровня глобальной, в связи с чем впервые придал ей отчетливо политический характер, вызвав реакцию высших государственных кругов передовых индустриальных держав планеты. Отношение к проблеме, по идеологическим мотивам всячески причисляемой прежде к разряду маргинальных, претерпело сказочный метаморфоз, стало актуальным, заняло первые полосы респектабельных изданий, умы экспертов и политиков. Так, в пору последнего кризиса долларизации *The Financial Times*, весьма влиятельная газета финансово-биржевого истеблишмента, отвела специальную рубрику обсуждению того, какое будущее ждет капитализм. Учитывая темпы эволюции социальных взглядов, последующий кризис, а он отнюдь не за горами, вполне может инвертировать постановку и отлить ее в далеко не прозаический вопрос: есть ли вообще будущее у капитализма?

В настоящей статье кратко представлен теоретический анализ проблемы, выполненный на базе диалектико-трудового ядра классической политэкономии, или просто – трудовой парадигмы. Обращение к научной классике безальтернативно, поскольку именно ею выработан первостепенной важности критерий, непосредственно пригодный для данного случая.

Согласно основополагающему положению трудовой парадигмы об историческом детерминизме, ни один общественно-экономический строй не сходит с исторической арены до тех пор, пока до конца не исчерпает весь свой прогрессивный потенциал. Приведенное обобщение всецело распространяется, разумеется, и на капиталистический способ производства.

Находясь в полном единстве с ходом истории, диалектико-трудовая классика считает капитализм более прогрессивным по сравнению с феодализмом, но менее прогрессивным по сравнению с коммунизмом, основанном на расширенном воспроизводстве свободного времени, которое – и в том его подлинная, творчески-трудовая суть – используется для превращения науки в непосредственную производительную силу<sup>1</sup>. Как постулируется, прогрессивность капитализма лишь относительна, а не абсолютна. Возведение ее в абсолют ошибочно и недопустимо. Эксплуататорская по своей природе капиталистическая формация не вечна, преходяща, существует в конечных конкретно-исторических границах, а потому неминуемо то время, когда ей объективно придется уступить место экономически более прогрессивному и производительному социальному строю – неэксплуататорскому, в условиях которого регулятором воспроизводства становится норма свободного времени, а рабочее время сокращается посредством роста производительности ради увеличения свободного.

Такова сжатая обрисовка исторической судьбы капиталистической формации с позиции классики. Но хотя известная классическая характеристика, венчаемая выводом об исторической ограниченности капиталистического способа производства, в целом фундаментально обоснована, в ней обозначился один заметный пробел, устранению которого и посвящен предлагаемый теоретический анализ. Поясним предметно, о чем собственно речь.

Тот факт, что капитализм прогрессивнее, чем феодализм, доказан исторической практикой исчерпывающе и никакому сомнению не подлежит. Больше того, по степени прогрессивности капитализм целиком превосходит также систему простого товарного производства, т. е. такую систему товарного хозяйства, когда товары еще не производятся в качестве капитала. Данный факт тоже бесспорен, ибо давно стал достоянием истории.

Несколько иначе обстоит дело в теории. Логическое временно отстало от исторического, поскольку до сих пор не вполне конкретизировано, в чем именно заключен источник относительной прогрессивности капитализма, какая сила делает капитализм прогрессивнее по сравнению с простым товарным хозяйством, каким образом устроен и функционирует механизм капиталистического прогресса, каковы его преимущества и недостатки.

Конечно, в рамках двух главных противоборствующих парадигм – трудовой и нетрудовой, или классической и «неоклассической» – предлагается готовый набор общих представлений. Но удовлетворительных пока нет. Если трудовая классика выдвигает объяснение в общем-то верное, но недостаточное, то антитрудовая по сути «неоклассика» довольствуется версией вообще неверной.

В соответствии с классическим подходом, секрет относительной прогрессивности капитализма сокрыт в эксплуатации наемного труда капиталом. И, стало быть, поддается объяснению на основе основного закона всей капиталистической формации – закона прибавочной стоимости. В принципе здесь все логично. Недостаёт лишь завершенности перехода от абстрактного к конкретному: абстрактное дано, между тем как путь к конкретному все еще не проложен. Иными словами, в данном пункте не выполнено восхождение от абстрактного к конкретному, из-за чего и сохраняется упомянутый уже пробел.

Советская политэкономия хотя и унаследовала этот пробел, однако особых усилий для его преодоления не прикладывала. Причина ясна: советское общество в гораздо большей мере интересовалось источником и факторами прогрессивности социализма, чем капитализма. Вместе с тем понятию ошибочность возобладавшего тогда подхода. Он оказался в досадном разладе с логикой истории, которая учит, что не бывает результата без должных его предпосылок. И точно: если не конкретизирован источник прогрессивности исторически низшего, значит теория еще не готова конкретизировать источник прогрессивности исторически высшего и не так уж далеко ушла вперед.

Указанный изъян временен, он ни в коей мере не умаляет ни наследия, ни потенциала трудовой классики. Она жива, развивается и рано или поздно преодолеет его. В данном пункте, несомненно, она тоже добьется восстановления единства исторического и логического.

Совершенно противоположные цели преследует антитрудовая «неоклассика». Для нее важно не столько выявить, сколько сфальсифицировать источник и характер прогрессивности капитализма. Здесь априори принимается и возводится в культ догма о вечности и абсолютности капиталистического строя. Поэтому какой-либо проблемы единства исторического и логического, абстрактного и конкретного «неоклассика» попросту не признает, вследствие чего подменяет науку вульгарной апологией всевластия капитала. Короче говоря, подрядилась превращая научное в ненаучное.

На роль причины прогрессивности капитализма антитрудовая «неоклассика» привычно отражает конкуренцию да пресловутый «закон спроса и предложения». Но это неудачно, и даже абсурдно. Вопрос ведь в том, почему капитализм прогрессивнее по сравнению с простым товарным производством. Из-за конкуренции? Полный нонсенс, ибо конкуренция действует и при простом то-

варном производстве. Из-за спроса и предложения? Тоже нелепость – спрос и предложение опять-таки свойственны простому товарному производству.

«Неоклассика» апеллирует к заведомо негодному: беспомощна конкуренция, бессильны «законы Сэя», игра спроса и предложения, «крест Маршалла»: напрасно пересекать одну кривую другой или искать точку равновесия – какой-либо движущей силы в сей точке нет и быть не может. По поводу интересующего нас вопроса в антитрудовой «неоклассике» не найти ни единого рационального зерна.

Так как нам требуется научное решение, мы исходим из диалектико-трудовой классики с тем чтобы конкретизировать, отчего капитализм более прогрессивен, чем система простого товарного производства, к чему сводится формула прогрессивности капитализма.

**Источник – присвоение по капиталу.** На основании анализа ключевой вывод заключается в следующем: главным источником относительной прогрессивности капитализма по сравнению с докапиталистическими формациями и простым товарным производством служит *присвоение по капиталу*.

Как выяснилось, именно оно обуславливает такое качественное изменение, в силу которого присвоение прибавочной стоимости, осуществляемое по закону цены производства, оказывается в пользу более капиталоемких и менее трудоемких производств, где применяются капиталы с более высоким техническим строением и больше квалифицированного труда. На базе простого товарного производства, напротив, при соблюдении требований закона стоимости распределение результатов труда происходит в пользу менее квалифицированного труда, более трудоемкого, с меньшей производительностью.

В ходе капиталистического присвоения пропорционально больше прибавочной стоимости приходится на те капиталы, которые обеспечивают производство товаров при меньших трудозатратах, меньшей трудоемкости и большей производительности. Благодаря тому капитализм приобретает специфический стимул, неведомый при простом товарном производстве – стимул к замещению трудоемкого капиталоемким, к замещению живого труда машинным, т.е. к машинозамещению. Хотя это стимул косвенный, а не прямой, он революционизирует весь способ производства, ставя капитализм на историческую высоту, недостижимую для предшествующих ему формаций.

Исследование сущности, объекта и форм присвоения по капиталу составляет неоспоримую заслугу научной политэкономии. При этом установлено, что капиталистическое присвоение имеет своим объектом прибавочную стоимость, происходит по закону цены производства, вследствие чего приобретает разнообразные ценовые формы, включая и форму ценовой конкуренции. Соответственно, по сравнению с ценами простого товарообмена, когда товары еще не производятся как капиталы, цены производства объективно относятся к более высокой формационной ступени развития и выполняют особую, только им свойственную, в полном смысле слова системную функцию, внутренне встроенную в саму систему присвоения по капиталу и капиталистического воспроизводства в целом.

Исходя из единства закона присвоения по капиталу и закона цены производства, К. Маркс сумел определить фундаментальные основы ценового механизма капиталистического присвоения, притом в прямой связи с формированием цен производства. На наш взгляд, обнаружение причинно-следственной зависимости между присвоением по капиталу и ценой производства представляет собой классическое открытие не меньшей значимости, чем открытие двойственности труда или закона прибавочной стоимости. Названное триединое по сути открытие – двойственного характера наемного труда, закона прибавочной стоимости и закона цены производства как закона присвоения прибавочной стоимости по капиталу – образует самое ядро трудовой парадигмы, всей диалектико-трудовой классики.

Отдавая себе в том полный отчет, представители антитрудовой парадигмы, известной ныне под ложным брендом «неоклассической», намеренно проявля-

ют особое рвение при попытках разорвать связь между ценами производства и присвоением по капиталу. Ради того и затеяны множественные прожекты низвержения трудовой парадигмы: «опровержение логикой» Е. Бем-Баверка, «опровержение равновесием» Л. фон Борткевича, «опровержение трансформацией» П. Самуэльсона, «опровержение совместным производством» Я. Сидмана. Но хитроумные уловки сторонников фальсификационизма тщетны. Несмотря на вселенски разрекламированные имена, когорте ниспровергателей не удалось ни отвлечь внимание от процесса капиталистического присвоения прибавочной стоимости, ни элиминировать связь между законом присвоения по капиталу и законом цены производства: вся антитрудовая «критика» ударила мимо цели<sup>2</sup>.

Конкретно-историческая сущность капиталистического способа производства как товарно-денежного хозяйства, в котором господствует всеобщая, или денежная форма стоимости, дает основание утверждать: *нет и не может быть неценового присвоения по капиталу*. Действительно, будучи раз установленным, капиталистическое присвоение опосредовано кругооборотом в соответствии с формулой «деньги – товар – деньги», а потому имеет ценовой механизм своего функционирования. Основу такого механизма составляют цены производства. Генетически связанные с капиталистическим присвоением, они обслуживают движение всей системы воспроизводственного кругооборота совокупного капитала, включая процесс присвоения прибавочной стоимости пропорционально величине авансированного капитала. Классик резюмировал корректно: «Таким образом, превращение стоимостей в цены производства не снимает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, – распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению к совокупному капиталу»<sup>3</sup>.

В воспроизводственном кругообороте воплощена суть движения капитала как целого, взятого в совокупности всех форм его метаморфоза. Логика марксова «Капитала» в точности соответствует стадиям капиталистического кругооборота: производство капитала рассматривается в I томе, обращение капитала – во II, движение капитала в целом, в единстве производства и обращения, в единстве конкретных форм воспроизводства – в III томе. Так и задумывалось: «Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое»<sup>4</sup>.

Конечный пункт всего капиталистического кругооборота – возвращение авансированной стоимости в исходную, денежную форму после присвоения создаваемой трудом прибавочной стоимости по капиталу, когда реализовано нетрудовое присвоение произведенного трудом. Классикой глубоко исследованы и суть, и превращенные формы присвоения по капиталу. Она доказала, что капиталистическое присвоение опосредовано ценами, в первую очередь – ценами производства. Поскольку цена производства возникает вместе с возникновением процесса капиталистического присвоения, благодаря тому осуществляется полный круг расширенного воспроизводства капитала, с обязательным накоплением последнего.

Уже сказано о попытках искусственного перемещения цены производства за пределы капиталистической формации, в частности к эпохе простого товарного производства (лишь по глубокому недомыслию именуемой «экономикой Смита»). Упражнялись в них П. Самуэльсон, М. Блауг и другие адепты фальсификационизма, демонстрируя явное нежелание выходить на фундаментальные пласты конкретно-исторических отношений и форм развития капитализма. Эти попытки оказались совершенно бесплодными, потому как несовместимы с объективным ходом новейшей истории, подлинными ее коллизиями, тенденциями, кризисами и поворотами.

Столь же неосновательны попытки противопоставления цены производства трудовой парадигме научной политэкономии. Нетрудовые субъект и способ

присвоения, а присвоение по капиталу есть именно нетрудовое по своей социальной природе, вовсе не означают нетрудового объекта присвоения. В том-то и специфика капитализма, что создаваемое трудом присваивается не по труду, а по капиталу – пропорционально высоте технического строения капитала, посредством цен производства.

Конечно, попытки насильно вытолкнуть цену производства за границы капиталистического способа хозяйствования направлены главным образом на то, чтобы искусственно оторвать цену производства от капиталистического присвоения. Но, являясь ненаучными, они обуславливают еще один антинаучный эффект. Дело в том, что «перенос» цены производства из капиталистической формации в эпоху простого товарного производства убирает из поля зрения источник прогрессивности капитализма, намеренно скрывая объект познания и предметную область.

Само собой разумеется, научная политэкономия не вправе согласиться на беспредметность, а потому последовательно борется с горячечными приступами «неоклассического» фальсификационизма.

**Формула – цена производства.** Итак, источником относительной прогрессивности капитализма выступает присвоение по капиталу. Продемонстрируем теперь ценовой механизм действия данного источника и его формулу. В качестве иллюстрации воспользуемся предельно упрощенным примером, предложенным, словно вопрос на засыпку, П. Самуэльсоном в его известной статье, замышленной ради того, чтобы «стереть» с доски экономической мысли человечества трудовую парадигму и закон капиталистической эксплуатации.

Наличие прошлого труда, накапливаемого в качестве капитала, меняет все – считает П. Самуэльсон, поэтому живой труд перестает быть мерилем стоимости. Удивительно, сокрушается автор, как только рикардянцы не заметили столь очевидного обстоятельства<sup>5</sup>. К чему бы тут рикардянцы, когда стрела пущена напрямик в К. Маркса – может недоумевать слабо знакомый с тайнами избранного П. Самуэльсоном лабиринта фальсификационизма. Между тем ларчик открывается просто: каждый, кто попадает в сей лабиринт, испытывает идеологическую aberrацию зрения и перестает отличать А. Смита от Д. Рикардо, а Д. Рикардо от К. Маркса. Так и П. Самуэльсон – для него К. Маркс всего лишь один из рикардианцев, причем едва ли не столь же близкий к Д. Рикардо, как преосвященный Т. Мальтус<sup>6</sup>.

Казалось бы, П. Самуэльсону достаточно просто подтвердить свой тезис и показать, каким образом возникновение капитала упраздняет трудовую парадигму, но следует неожиданный логический кульбит: вместо первого тезиса, оставленного без доказательства, выдвигается второй: люди-то разные, рабочая сила мужчин и женщин различается по продуктивности, допустим как 1:3<sup>7</sup>.

Предложенный пример как раз и представляет для нас интерес, хотя П. Самуэльсон на удивление быстро запечатовал о логике, о своем возражении и позабыл привлечь к делу капитал. Нам придется исправить это упущение, дабы наглядно посмотреть, что же все-таки изменяется с появлением капитала.

Начнем тем не менее с авторской версии примера. Фигурируют в нем два вида труда: квалифицированный и неквалифицированный, простой. Отсюда возможны два ветвления. Одно из них избирает П. Самуэльсон, конечно же – без капитала. Замокнув себя в лабиринте «опровержения» трудовой парадигмы, он путано блуждает из угла в угол, беспомощно полагая, будто проблема редукции труда составляет достаточный довод против трудовой природы стоимости. Он дезориентирован своим же заблуждением, ибо 1 час квалифицированного труда никак не эквивалентен большому количеству времени простого труда (здесь П. Самуэльсон забрел, по-видимому, в тупик примитивного понимания Е. Бем-Баверка).

Час труда всегда и при всяких обстоятельствах тождествен лишь самому себе, будучи часом человеческой жизни. Квалифицированный ли труд выполняется на протяжении часа, простой ли, женщина трудится или мужчина – это неважно. Важно только то, что затрачивается час человеческой жизни. Эталон

не меняется в зависимости от того, к чему прикладывается. Метр остается метром независимо от того, какую длину измеряют с его помощью: астрономическую, земную, морскую или сухопутную. Так и час жизни человека – это базисный эталон научной политэкономии, главная трудовая константа всей экономической метрологии, независимая от пола, возраста, вероисповедания, национальности и прочих конкретных особенностей человеческой личности.

Причем, нелишне заметить, это эталон самого гуманистического характера. Трудовая парадигма гуманна по определению, тогда как антитрудовая – заведомо бесчеловечна. Отвергая трудовую парадигму, ее критики не только оправдывают исторически обусловленную эксплуатацию человека человеком: они традиционно уподобляют человека труда рабочему скоту, ставя знак равенства между работой труженика и лошади или мула, им видится «естественным» скотское отношение капитала к наемным работникам.

Исходя из политэкономического эталона, одинаковые затраты рабочего времени воплощаются в равных стоимостях. Различие относится лишь к производительности труда. В расчете на 1 час рабочего времени квалифицированный работник создаст большее количество потребительных стоимостей.

Между тем, П. Самуэльсон переиначивает ясное классическое понимание. Если труд мужчины, допускает он, в 3 раза менее производителен, чем труд женщины, то 1 час рабочего времени женщины равен 3 часам рабочего времени мужчины. И записывает несуразное равенство:  $1L_1 + 3L_2 = L$ <sup>8</sup>. Будь даже так, тогда равенство должно быть другим, а именно: либо  $1L_1 + 3L_1 = 4L_1$  ( $L_1$  – труд мужчины), либо  $\frac{1}{3}L_2 + 1L_2 = 1\frac{1}{3}L_2$  ( $L_2$  – труд женщины). Но, по классике, неверно ни то, ни другое.

Изначально ошибочны и недопустимы обе подобные записи. Почему? Потому, что П. Самуэльсон отбрасывает классический трудовой эталон, заменяя всеобщее, неизменчивое и необходимое единичным, изменчивым и случайным. Это равносильно тому, как если бы вместо единого эталонного метра каждый житель планеты использовал свою индивидуальную меру длины. Причем алогичность П. Самуэльсона принимает вид прямо-таки анекдотической, когда он старательно уверяет, будто выписывает свое уравнение в полном соответствии с трудовой теорией стоимости. У него получается, что мертвое хоронит живое.

Однако пример, подобранный П. Самуэльсоном, пригоден для более достойной цели. Итак, трудом мужчины и женщины при суммарной затрате 2 часов рабочего времени созданы четыре единицы однородной потребительной стоимости, причем за 1 час труда женщина создала три единицы, а мужчина – одну. Тогда в единице потребительной стоимости, созданной трудом женщины, воплощена  $\frac{1}{3}$  часа труда – против 1 часа в единице потребительной стоимости, изготовленной трудом мужчины. Согласно закону стоимости, в данном примере каждая единица потребительной стоимости служит носителем 0,5 рабочих часов (2 часа/4 единицы).

В случае, когда произведенные потребительные стоимости присваиваются пропорционально затратам труда, в расчете на 1 час рабочего времени женщина и мужчина получают по две единицы потребительной стоимости (1 час/0,5 часа), т.е. поровну.

Стало быть, распределение и присвоение на основе затратно-трудовых эквивалентов, свойственное для простого товарного производства, складывается не в пользу квалифицированного и производительного труда. Приведенный пример можно усложнять, брать разнородные потребительные стоимости (бобров, оленей, булавки, пшеницу, ткани, металлы, древесину и т. д.), вводить вектор-столбец трудовых затрат – для природы и закона стоимости это безразлично.

Избранный пример никак не годится для опровержения трудовой парадигмы. Не помогает и вторая, модифицированная версия того же примера. П. Самуэльсон по-джентльменски изменил условия. Теперь женщина в 3 раза удачливее мужчины при охоте на бобров, в 2 раза – при охоте на оленей. Вновь камнем преткновения изображаются стоимостные соотношения: «Как мы получим новую величину ‘общественно необходимого труда?’» – вопрошает не-

задачливый критик, говоря о затратах для двух разнородных продуктов. Без вальрасовой системы уравнений, утверждает он, задача неразрешима, а коль скоро так, значит трудовая парадигма отпадает.

Здесь П. Самуэльсон вторично позабыл об обещанном капитале, голословен и не приводит никакого доказательства. Дабы снять сомнения, он мог бы продемонстрировать, как составить вальрасовы уравнения, но не продемонстрировал. Он мог бы дать исчисленные им обменные соотношения, но не исчислил их. Он ограничился утверждением без всяких посылок. На проверку же оно оказалось совершенно ложным. Применительно к рассматриваемому примеру вальрасовы уравнения бесполезны. Общественно необходимые затраты труда определяются с помощью простейших арифметических операций.

По условиям, за 1 час рабочего времени женщина добывает три бобра, тогда как мужчина – одного; с затратой еще 1 часа рабочего времени женщина добывает двух оленей, а мужчина – одного. Общие затраты труда составляют 4 часа. Из них 2 часа потребовались на добычу четырех бобров и другие 2 часа – на трех оленей. Отсюда легко устанавливается величина общественно необходимых затрат труда на единицу каждой потребительной стоимости: по  $\frac{1}{2}$  часа рабочего времени на одного бобра и по  $\frac{2}{3}$  часа – на одного оленя. Определяем искомое обменное соотношение: стоимость бобра составляет  $\frac{3}{4}$  стоимости оленя ( $\frac{1}{2} : \frac{2}{3}$ ).

Каким будет результат присвоения? Если он пропорционален индивидуальным затратам, а в примере они равны (по 2 часа), то женщина и мужчина вновь получают поровну: по 2 бобра и по  $1\frac{1}{2}$  оленя. Усложнение примера, как и следовало ожидать, ничуть не повлияло на конечный итог. Менее производительный работник по-прежнему присваивает больше, чем производит.

Анализ приводит к выводу: уравнительное распределение, порожаемое законом стоимости и типичное для условий патриархального хозяйственного уклада, лишено стимулов для увеличения производительности труда. Ничего по-особому нового мы здесь не открыли. Данный факт известен с давних времен. Относительно новое выражается лишь в двух моментах: во-первых, давно известный исторический факт нашел четкое логическое объяснение, причем на основе трудовой парадигмы; во-вторых, «уравниловка» обусловлена действием закона стоимости, а потому не составляет ни изобретения, ни идеала научной политэкономии. Как увидим далее, на смену капиталистическому присвоению история приводит отнюдь не уравнительное.

Итак, «неоклассическое» ветвление, избранное для идеологического «погребения» неподатливой трудовой парадигмы, бесперспективно, и нам незачем больше отвлекаться на бесплодные усилия нелюби к истине. Гораздо интереснее и плодотворнее другое ветвление – с учетом постоянного капитала.

Как уже показано, при простом товарном производстве распределение результатов происходит в пользу более затратного и менее производительного труда. Притом такое распределение вполне согласуется с законом стоимости и даже диктуется им. Останься подобный способ присвоения при капитализме, человечество до сих пор не ушло бы дальше феодализма. Однако положение в корне меняется при вступлении в силу закона присвоения по капиталу, благодаря чему больше прибавочной стоимости приходится на менее трудоемкие, но зато более капиталоемкие способы производства.

Приведем конкретную иллюстрацию, продолжая все тот же, не нами придуманный пример. Дабы не затемнять суть, возвратимся к первой версии и оставим все ее условия неизменными. Дополнительно к ним введем только производительный капитал, представленный средствами производства. В таком случае различие в производительности труда определяется, по классике, величиной органического строения капитала: соразмерно производительности оно должно быть в 3 раза выше в сфере занятости женщины.

Исходя из сказанного, примем стоимость постоянного капитала, которым располагает женщина, эквивалентной 6 часам труда:  $c_1 = 6$ ; затраты живого труда составляют, по-прежнему, 1 час рабочего времени:  $v_1 = 1$ ; величина орга-

нического строения применяемого женщиной капитала исчисляется отношением  $a_1 = c_1/v_1 = 6$ . Органическое строение капитала, используемого мужчиной, в 3 раза ниже, т.е. равно 2 ( $a_2 = 2$ ); поскольку рабочее время тоже 1 час ( $v_2 = 1$ ), стоимость его постоянного капитала эквивалентна 2 часам ( $c_2 = 2$ ).

Органическое строение совокупного капитала ( $A$ ) исчисляется отношением  $(c_1 + c_2)/(v_1 + v_2)$ ; поэтому имеем:  $A = 4$ .

Суммарный выпуск ( $Q$ ) остается прежним и составляет четыре единицы потребительных стоимостей:  $Q = 4$ .

Сверх того можно было бы принять условие об эксплуатации, превращая мужчину и женщину в субъектов эксплуатации наемных работников. Но оно не обязательно, так как никоим образом не влияет на итоговые результаты. Как доказано, выдвинутый М. Блаугом довод, будто превращение нормы эксплуатации из постоянной в переменную делает классическую формулу цены производства ошибочной, лишено основания.

Спрашивается теперь, каким образом произведенное количество потребительных стоимостей распределится между мужчиной и женщиной, если присвоение по затратам труда заменяется присвоением по капиталу? Сколько ( $Q_1$ ) получит женщина и сколько ( $Q_2$ ) – мужчина? При распределении по труду они получили по две единицы потребительной стоимости, так что оказалось равенство:  $Q_1 = Q_2$ . Сохранится ли такой же итог при распределении произведенного по капиталу?

Прежний итог здесь уже не повторяется. Присвоение по капиталу меняет присваиваемые мужчиной и женщиной доли. Продемонстрируем наглядно, каким образом и почему. Доля на капиталы мужчины и женщины определяется ценами производства, т. е. общественным уровнем стоимости произведенных потребительных стоимостей, а не индивидуальным. В оговоренных условиях примера дано все необходимое и достаточное, чтобы прийти к решению с использованием обобщенной формулы отклонений индивидуальных стоимостей от цен производства<sup>10</sup>. Надо не забывать только, что стоимость выражается здесь непосредственно в рабочих часах, поэтому и отклонения будут представлять рабочие часы. Кроме того, здесь применима упрощенная формула отклонений, без переменных норм эксплуатации.

С учетом принятых условий разность между ценой производства и индивидуальной стоимостью исчисляется согласно формуле:

для капитала женщины

$$\xi_1 = \left( \frac{1}{A+1} - \frac{1}{a_1+1} \right) \times (c_1 + v_1);$$

и для капитала мужчины

$$\xi_2 = \left( \frac{1}{A+1} - \frac{1}{a_2+1} \right) \times (c_2 + v_2).$$

Подставляя конкретные числовые значения, получаем:

для капитала женщины

$$\xi_1 = \left( \frac{1}{4+1} - \frac{1}{6+1} \right) \times (6 + 1) = 0,4;$$

и для капитала мужчины

$$\xi_2 = \left( \frac{1}{4+1} - \frac{1}{2+1} \right) \times (2 + 1) = -0,4.$$

Найденное решение означает, что на основе присвоения по капиталу доля женщины больше на 0,4 часа, тогда как доля мужчины меньше на 0,4 часа. В абсолютном выражении доля женщины составляет 1,4 часа, а мужчины – 0,6 часа. В пересчете на потребительные стоимости находим:  $Q_1 = 1,4/0,5 = 2,8$  единицы;  $Q_2 = 0,6/0,5 = 1,2$  единицы.

Окончательный итог присвоения по капиталу таков:  $\xi_1 = 0,4$  и  $\xi_2 = -0,4$ ;  $Q_1 = 2,8$  и  $Q_2 = 1,2$ . Обратим внимание, мимоходом, на строгое выполнение обоих «инвариантов Маркса»: сумма отклонений равна нулю:  $\xi_1 + \xi_2 = 0$ ; сумма присвоенного женщиной и мужчиной равна совокупному выпуску:  $Q = Q_1 + Q_2 = 4$ . По ходу решения на горизонте не появлялось ни малейшего намека на «проблему трансформации», ибо при классическом подходе ее не существует.

Сравним теперь итоги присвоения по труду и по капиталу. В первом случае было равенство обеих долей:  $Q_1 = Q_2 = 2$ ; женщина и мужчина получили по  $2Q$  потребительных стоимостей, хотя женщина произвела  $3Q$ , а мужчина –  $1Q$ . Во втором случае видим неравенство присвоенных долей:  $Q_1 \neq Q_2$ ; капитал мужчины обеспечил создание  $1Q$  потребительной стоимости, а присвоил  $1,2Q$ , между тем как на капитал женщины пришлось  $2,8Q$  при величине выпуска  $3Q$ .

Итоговое решение для варианта с капиталом вышло принципиально иным, хотя взят численно один и тот же пример. Как убеждаемся, присвоение по капиталу содержит стимулы в пользу более производительного труда. Благодаря тому оно исторически прогрессивнее по сравнению с присвоением пропорционально затратам живого труда. В отличие от простого товарного хозяйства, на базе капиталистического способа производства отклонения складываются по ходу присвоения в пользу производств с более капиталоемким и производительным трудом.

Переход от простого товарного производства к капиталистическому сопряжен с качественно новым витком социально-экономического прогресса. Он сопровождается возникновением эффекта, дотоле незнаемого человечеством. Капитализм устанавливает такой экономический строй, при котором – в точном соответствии с законом стоимости – в процессе товарообмена и обращения больше вновь созданной стоимости присваивает не тот, чьи трудовые затраты выше, а тот, у кого они сравнительно ниже, кто сэкономил на них, у кого выше технический состав производительного капитала.

Присвоение по закону цены производства порождает стимул и эффект замещения трудоемкого капиталоемким. Здесь именно, а не в конкуренции, коренится та движущая сила, которая гонит капиталы в сферы приложения, где более высокое соотношение между капиталоемким и трудоемким.

Курьезно, но представители антитрудовой «неоклассики» все еще не в состоянии разобраться, откуда и куда перетекают производительные капиталы по классической теории и на практике.

Так, поразительным образом на пару отличились С.В. Брагинский и Я.А. Певзнер. Не верится даже глазам, когда читаешь их баснословный вздор, будто классика предписывает перелив капиталов из капиталоемких в трудоемкие сектора. Цитируем: «Различие в подходах Маркса и неоклассической теории к вопросу о природе прибыли особенно отчетливо проявляется в связи с трактовкой категории 'цена производства'. По Марксу, последняя представляет собой сумму издержек производства и средней прибыли, которая (средняя прибыль) образуется в результате перелива капитала из отраслей, где вследствие высокого органического состава капитала и соответственно ввиду меньшей массы труда образуется меньше прибавочной стоимости и ниже норма прибыли (т.е. ниже отношение массы прибавочной стоимости к сумме затрат на постоянный и переменный капитал), в те отрасли, где применяется больше труда, производится больше прибавочной стоимости и соответственно выше прибыль»<sup>11</sup>.

Оба автора явили тут совсем не трудовую классику: они явили лишь приискорбное ее незнание. И заодно нещадно высекли самих себя. Нечего опровергать их напраслину о переливе капиталов, образующем-де среднюю прибыль – прибыль есть результат эксплуатации труда; и это общая норма прибыли регу-

лирует перелив капиталов, а никак не наоборот. Главное в том, что капиталы ориентируются на цены производства и текут как раз в обратном по отношению к указанному направлению: из трудоемких сфер приложения в капиталоемкие. Все отклонения, а они представляют собой относительную прибавочную стоимость, положительны для капиталоемких производств и отрицательны для трудоемких. Трудоемкие сферы присваивают меньше прибавочной стоимости, чем создают. Вот почему присвоение прибавочной стоимости по закону цены производства стимулирует повышение технического строения капитала и замещение живого труда — что физического, что умственного — машинным.

Вместо элементарных знаний С.В. Брагинский и Я.А. Певзнер растиражировали антинаучные измышления. Предположим, авторам противна трудовая классика и милее антитрудовая «неоклассика». Тут их можно понять. Но, думается, не менее понятно, что существует истина и она не должна страдать, становясь заложницей идеологических пристрастий. Истина же в том, что капиталы более высокого технического состава приносят относительную прибавочную стоимость, меж тем как капиталы низкого — не приносят, а теряют. Надо еще умудриться, чтобы на пару заплутать в двух соснах и перепутать капиталы высокого строения с капиталами низкого. Если так немила классика, то лучше уж взяли бы данные практики — хотя бы из межотраслевых балансов.

Источник и формула относительной прогрессивности капитализма конкретизированы: источником является присвоение по капиталу, а формула тождественна формуле отклонений индивидуальных стоимостей от цен производства товарных капиталов. Еще раз подчеркнем: капиталистическое присвоение перераспределяет созданную общественным трудом прибавочную стоимость в пользу производительных капиталов исключительно с высшим техническим и органическим строением. А где заняты такие капиталы, там меньше сфера трудоемкого и больше сфера капиталоемкого.

Переключим теперь внимание на вопрос о границах прогрессивности капиталистической формации.

**Производительно-трудовой способ присвоения.** Вопреки интригующей заявке, автору примера, П. Самуэльсону, не удалось равным счетом ничего: ни включить в рассмотрение капитал, ни провести водораздел между простым товарным производством и капиталистическим хозяйством, ни исчислить стоимость, или общественно необходимые затраты труда в расчете на единицу потребительной стоимости, созданной с применением капитала. Представитель «неоклассической» идеологии проявил эвристическую беспомощность, образцовую для всего своего вульгарного течения, ибо оплошал с применением даже закона стоимости, не говоря уже про закон присвоения по капиталу, в отношении которого вообще не обнаружил какого-либо понимания. Впрочем, было бы слишком наивно ожидать что-либо содержательное от П. Самуэльсона, который жил подрядом на демагогическое ниспровержение трудовой парадигмы. Он в принципе не мог помыслить об анализе тех вариантов, какие вытекают из его же собственного примера. А их больше, чем один или два.

До сих пор мы рассматривали лишь два основных варианта: один — применительно к условиям простого товарного производства, без постоянного капитала; другой — применительно к условиям капиталистического воспроизводства. Но двумя вариантами перечень возможных не исчерпан. Это становится ясным при разборе уже первого из них, *затратно-трудового*. Тогда на долю мужчины и женщины пришлось по две единицы потребительных стоимостей, пропорционально затратам рабочего времени. А ведь присвоение по труду осуществимо не только пропорционально затратам труда, как при простом товарном производстве: оно осуществимо еще пропорционально: а) результативности, б) производительности и в) эффективности труда. Число возможных вариантов увеличивается тем самым на три.

Чтобы не усложнять изложение, примем результативность за параметр неизменный, благодаря чему эффективность труда остается в зависимости только от производительности. В таком случае вместо трех вариантов достаточно про-

анализировать присвоение пропорционально производительности труда. Нас интересует, каким образом оно соотносится с присвоением по капиталу, какой из двух способов присвоения исторически более прогрессивен – капиталистический или производительно-трудовой.

Обратимся опять-таки к исходным условиям примера. В соответствии с ними, на создание трех потребительных стоимостей женщина затрачивает 1 час своего рабочего времени. Индивидуальная производительность ее труда ( $q_1$ ) сводит затраты в расчете на единицу потребительной стоимости к  $\frac{1}{3}$  часа. Индивидуальная производительность труда мужчины ( $q_2$ ) ниже, и находится на уровне 1 часа в расчете на единицу потребительной стоимости.

Определим величину общественной производительности труда ( $q$ ): она достигается при затратах на уровне  $\frac{1}{2}$  часа – и потому выше, чем у мужчины, но ниже, чем у женщины.

Исчислим теперь отклонения индивидуальной производительности от общественной. Получаем:

для женщины

$$\mu_1 = q - q_1 = \frac{1}{2} - \frac{1}{3} = \frac{1}{6};$$

для мужчины:

$$\mu_2 = q - q_1 = \frac{1}{2} - 1 = -\frac{1}{2}.$$

Стало быть, присвоение по производительности труда обеспечивает женщине долю, эквивалентную  $1\frac{1}{6}$  часа ее производительного труда, что составляет 3,5 единицы потребительных стоимостей:  $Q_1 = 1\frac{1}{6} : \frac{1}{3} = 3,5$ . При таком способе присвоения женщина получает больше, чем произвела. Напротив, доля мужчины понижается до  $\frac{1}{2}$  потребительной стоимости:  $Q_2 = \frac{1}{2} : 1 = 0,5$ . Опять же впервые мужчина получает в таком случае меньше, чем произвел. В предшествующих двух вариантах ни женщина не получала больше, чем изготовила, ни мужчина – меньше, чем создал.

Прежде чем перейти к анализу того, какой из способов присвоения исторически более прогрессивен, отметим одну принципиальную особенность. В отличие от затратно-трудового присвоения, осуществляемого на основе закона стоимости, производительно-трудовое несовместимо с действием такого закона и не подчиняется ему. В самом деле, в условиях присвоения пропорционально производительности труда сумма отклонений не равна нулю ( $\mu_1 + \mu_2 \neq 0$ ), а доли мужчины и женщины не эквивалентны ни затраченному рабочему времени, ни, сразу заметим, ценам производства.

Указанная особенность существенно важна. Она означает не что иное, как принципиальную неосуществимость присвоения пропорционально производительности труда в условиях и простого товарного производства, и капиталистического воспроизводства. Тем самым выясняется, что производительно-трудовой способ присвоения стоит исторически выше капиталистического и недостижим при капитализме. Такой способ присвоения подчиняется закону экономии рабочего времени и, напротив, не подчиняется ни закону стоимости, ни закону прибавочной стоимости, ни закону цены производства.

**Относительность и границы прогрессивности капитализма.** Исходя из диалектического развития способа присвоения создаваемых благ, которое идет от простого к сложному, от менее прогрессивного к исторически более прогрессивному, можно заключить: на капитализме социальный прогресс не заканчивается. Капитализм служит лишь одним из промежуточных витков в диалектической спирали развития человеческого общества. Как не был единственно возможным затратно-трудовой способ присвоения, так не является единственно возможным и присвоение по капиталу. На смену капиталистическому присвоению история подготавливает *производительно-трудовое*, приведенное в прямое соответствие с требованиями закона экономии времени.

Затратно-трудовой способ присвоения стоит ниже капиталистического, а

последний, в свою очередь, стоит гораздо ниже производительно-трудового, будучи отсталым и непрогрессивным по отношению к нему. Зафиксировав установленный факт, рассмотрим несколько обстоятельнее вопрос о прогрессивности рассматриваемых способов присвоения. Капиталистический, о чем уже сказано, превосходит затратно-трудовой. И вполне ясно, за счет чего, почему и насколько.

Присвоение по капиталу прогрессивнее по сравнению с затратно-трудовым за счет замещения трудоемкого капиталоемким. При капитализме происходит становление особого подразделения общественного воспроизводства – производства средств производства. Труд, здесь занятый, по своему экономическому предназначению превращается в труд по экономии живого труда. Труд, вложенный в орудия труда, экономит труд в сфере их применения. Принимая форму постоянного капитала, средства производства функционируют в качестве способа замещения живого труда прошлым, или иначе – замещения трудоемкого капиталоемким. В том именно прогресс находит при капитализме свой конкретно-исторический способ и свою экономическую определенность. Отсутствие замещения трудоемкого капиталоемким равносильно для капитализма прекращению всякого прогресса. На базе капиталистического воспроизводства никаким иным способом, кроме замещения трудоемкого капиталоемким, прогресс производительных сил не идет и идти не может.

Капиталистическое присвоение, далее, прогрессивнее в силу механизма цены производства, настроенного в пользу более квалифицированного и производительного труда, а потому подталкивающего к повышению органического строения производительного капитала. Присвоение по капиталу имеет имманентную ему, а потому обязательную форму – ценовую. Оно опосредовано ценой производства, определяемой в зависимости от органического строения капитала. В результате капиталы с высоким строением присваивают больше прибавочной стоимости, чем создается при их применении, а капиталы с низким – меньше, чем они выжимают из эксплуатируемого ими наемного труда.

Оно, наконец, прогрессивнее лишь относительно. Во-первых, абсолютное трудовосбережение, диктуемое законом экономии времени, находится в прямом противоречии с основным законом капитализма – законом прибавочной стоимости. Капиталистическое воспроизводство требует беспрестанного накопления стоимости, для чего заставляет капиталистов выжимать из наемных работников максимум прибавочного труда. Поэтому экономия труда подчиняется капиталом сокращению затрат необходимого труда ради увеличения затрат прибавочного.

Во-вторых, капитализм не отбросил затратно-трудовой способ распределения, а поставил себе на службу. С его помощью, т. е. пропорционально затратам живого труда, капитализм устанавливает заработную плату наемных работников. Сокращение трудоемкости влечет для наемных работников понижение сдельных расценок и почасовых ставок оплаты. Поэтому повышение производительности труда в такой же мере невыгодно наемным работникам, как и женщине из разобранного нами примера П. Самуэльсона: при увеличении производительности своего труда они получают меньше, чем производят. Капиталу приходится буквально выжимать из них более высокий уровень производительности, пуская в ход массовые увольнения и локауты. Максимальный нажим на трудящихся приходится, как правило, на период кризиса и депрессии.

В-третьих, тем из капиталистов, у кого выше техническое строение капитала и ниже издержки, какой-либо прогресс невыгоден до тех пор, пока цена производства позволяет им присваивать больше прибавочной стоимости, чем создаваемая эксплуатируемым ими трудом. Передовые капиталы, пока они остаются таковыми, лишены стимулов к прогрессу и, более того, на время тормозят прогресс, чтобы сохранить свое передовое положение и возможность присвоения относительной прибавочной стоимости. Прогресс выгоден тогда владельцам лишь технически отсталого капитала, поскольку они жаждут изменить неблагоприятное для них положение, при котором на их долю приходится

меньше, чем создается подвластным им трудом. Короче говоря, если для отсталых по своему строению капиталов выгодно тянуться к передовым, то для последних невыгодно становиться еще более передовыми, зато выгодно блокировать прогресс отсталых и препятствовать росту их технического строения.

Стало быть, капиталистическое присвоение, осуществляемое посредством цены производства, обуславливает двойственную конкуренцию капиталов, обладающую единством двух противоположных начал – созидательным и разрушительным. Капиталы с более высоким органическим составом выступают в качестве угнетателей и разрушителей капиталов с низким и отсталым составом, втягивая их в разрушительную и разорительную конкуренцию. Поэтому прогресс при капитализме идет рука об руку с регрессом, через периодические кризисы воспроизводства, а передовое постоянно нуждается в отсталом. Суровый антагонизм труда и капитала пронизывает весь капиталистический способ производства целиком, превращая в антагонистический и сам прогресс, по ходу которого созидание чередуется с разрушением, а разрушение – с созиданием.

В-четвертых, капитализм не знает прямых стимулов к прогрессу производительных сил и довольствуется только косвенными, окольными, побочными. Прогресс движется лишь постольку и в той мере, в какой служит накоплению стоимости и возрастанию капитала. В те же самые сковывающие капиталистические границы заключен также процесс замещения трудоемкого капиталоемким. Соответственно основному закону капитализма, экономия труда, или трудосбережение, обращается в капиталистический эффект, т.е. в прибавочную стоимость. Сокращая необходимый труд ради увеличения прибавочного, капитал раздвигает границы прибавочного рабочего времени, т. е. времени прямой работы наемных работников на капиталистов.

Обеспечиваемый на капиталистическом базисе эффект трудосбережения суть относительный в полном смысле слова. Он относится не ко всему рабочему времени, а лишь к части последнего – ко времени необходимого труда. Трудосбережение используется капиталом не столько для сокращения длительности рабочего дня или рабочей недели, сколько для изменения внутренней границы между прибавочным и необходимым трудом, так что длительность первого повышается, а второго – понижается. В результате главное, к чему приводит эффект трудосбережения, заключается в увеличении нормы прибавочной стоимости, или нормы эксплуатации рабочей силы человека.

В-пятых, капитализм до сих пор продолжает использовать отсталый, восходящий еще к средневековью затратно-трудовой способ регулирования заработной платы наемных работников. Капитализм не может не использовать его, ибо объективно вынужден к тому противоречием товара, включая товар рабочая сила – противоречием между потребительной стоимостью и стоимостью. Капиталистический способ производства есть производство и накопление стоимости, а потому во всех отношениях ставит стоимость над потребительной стоимостью. Хотя наемные работники непосредственно производят потребительные стоимости, заработная плата зависит от вновь созданной ими стоимости. В свою очередь, всякая стоимость, в том числе вновь созданная, понижается по мере роста реальной производительности труда, по мере реального прогресса производительной силы общества. Вследствие этого капитализм ставит в непримиримое противоречие производительность труда и стоимость. Данное противоречие может быть разрешено только заменой капиталистического присвоения производительно-трудовым. При капитализме оно неразрешимо.

Обусловленное законом прибавочной стоимости, подчинение наемных работников накоплению стоимости и капитала вынуждает сохранять средневековый, затратно-трудовой способ регулирования заработной платы. Тем самым капиталистический способ производства исключает прямую и непосредственную заинтересованность в увеличении производительности труда со стороны не только капитала, но и труда.

**Имманентная затратность капитализма.** Командуя наемным трудом, капитал командует также и трудосбережением, которое осуществляется в той

мере и постольку, поскольку служит расширенному накоплению и капиталистическому воспроизводству. Соответственно, вторым важным следствием эффекта, генерируемого законом капиталистического присвоения, становится рост технического строения применяемых обществом капиталов. Заметим, техническое строение применяемого производительного капитала является одной из генеральных пропорций всего капиталистического воспроизводства. Ее выделял еще А. Смит: «Число полезных и производительных рабочих, как это будет выяснено в дальнейшем, везде находится в пропорции к количеству капитала, используемого для того, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления»<sup>12</sup>.

В свою очередь, властная необходимость наращивания технического уровня производительного капитала диктует создание условий и материальных предпосылок для развития науки, образования и технологий. Паровая эра, затем электрическая, надвигающаяся теперь неоиндустриальная, или технотронная – все это гигантские концентрические кольца волнообразно расширяющейся при капитализме вселенной по имени научно-технический прогресс производительной силы общественного труда.

Вся суть предпринятого сравнения в том, что оно выявляет источник прогрессивности капитализма относительно простого товарного производства. Это и впрямь не конкуренция, не спрос и предложение, не закон стоимости.

Источник исторически значимого эффекта относительного трудосбережения обнаружен в действии закона капиталистического присвоения, которое – подчеркнем особо – также осуществляется в полном согласии с требованиями закона стоимости и цены производства.

По закону капиталистического присвоения капиталы с высшим органическим строением присваивают больше прибавочной стоимости, чем создается непосредственно занятой ими рабочей силой, а с низшим – меньше. Отсюда движущая сила того процесса, который связывает рост капиталоемкости со снижением трудоемкости, т. е. обуславливает увеличение технического строения капиталов, замещение живого труда – физического и умственного – машинным, научно-технический прогресс общества.

Но закон капиталистического присвоения есть одновременно и закон имманентного капитализму антагонизма между трудом и капиталом. Присвоение прибавочной стоимости по капиталу означает отчуждение непосредственных работников от результатов собственного труда. С воспроизводством капитала воспроизводится и весь антагонизм, свойственный капитализму и выступающий в форме классовой борьбы.

Двойственность труда, открытая К. Марксом, переходит через антагонистические производственные отношения в двойственность движущей силы научно-технического прогресса, в антагонизм между факторами движения и торможения процесса развития общественной производительной силы. Процесс в целом идет противоречиво, постоянно натываясь на внутренние ограничения как объективного, так и субъективного порядка.

Объективные ограничения прогресса выражаются, прежде всего, в относительно узких границах капиталистического применения машин, раз оно подчинено воспроизводству стоимости капитала вместо непрерывного удешевления продукта труда. Капитал отвергает машину, способную удешевить производство потребительных стоимостей, но непригодную для того, чтобы увеличить массу или норму прибавочной стоимости.

Объективные ограничения, далее, накладываются на ход прогресса также отношениями реального подчинения труда капиталу. Наемный работник выступает для капитала не целью, а средством.

Капитал выжимает из нанятых максимум прибавочного труда. Оттого экономия труда, извлекаемая в одной форме, обращается на увеличение труда в другой форме. Говоря конкретно, сокращение необходимого рабочего времени направляется на прирост времени прибавочного труда. Вот почему при капитализме не машина служит человеку, а человек машине. «Отсюда тот экономиче-

ский парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости»<sup>13</sup>.

Объективные ограничения коренятся в самом антагонизме между трудом и капиталом, в антагонизме между классовыми интересами наемных рабочих и капиталистов. Рост производительности общественного труда понижает стоимость как товаров, так и применяемого капитала, подразделяемого на постоянный и переменный. Под действием растущей производительности понижается также стоимость рабочей силы. «Стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда. Это относится и к стоимости рабочей силы, так как она определяется товарными стоимостями. Напротив, относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда»<sup>14</sup>.

Но пока рабочая сила остается на положении товара, ее носители не заинтересованы в уменьшении ее стоимости. Напротив, они заинтересованы в увеличении ее стоимости. Исходя из своих экономических интересов, взятых в специфически капиталистической оболочке, наемные рабочие не столько содействуют, сколько противодействуют тому, чтобы прогресс производительной силы общества напрямую и в соразмерной пропорции становился приростом производительности общественного труда. «Закон, согласно которому все возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительности общественного труда, приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы, — этот закон на базисе капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятости, тем ненадежнее, следовательно, необходимое условие их существования ...»<sup>15</sup>.

Поскольку в ходе капиталистического присвоения от работников отчуждаются и условия, и результаты их труда, у них нет и не может быть прямой заинтересованности в развитии реально достижимой производительности труда.

В настоящее время, с выходом наиболее развитых стран мира на стадию государственно-корпоративного капитализма, происходит массовая неоиндустриализация производительных сил, сопровождаемая сокращением доли физического труда и увеличением доли умственного, или интеллектуального труда. Соответственно, старые футурологические концепции, типа «постиндустриального общества», спешно модифицируются с тем, чтобы поддержать пропаганду иллюзии, будто приходит эра «производства знаний», а знания якобы неотчуждаемы. Идея в том, чтобы действительно набирающее силу качественное изменение в содержании труда выдать за отмену эксплуатации, за «перерождение» капитализма.

Но вот вопрос: а что же объективные законы и противоречия капитализма — они тоже «перерождаются» или же продолжают действовать как ни в чем ни бывало? Что, «выпустил пар» и сошел на нет закон капиталистического присвоения прибавочной стоимости? Что, он не имеет силы в отношении науки и научно-технических знаний? Подобные вопросы даже не ставятся. Экономических законов для идеологов «постиндустриализма» не существует. Но ведь это факт: где нет объективных законов общества, там нет общественной науки.

Как и всякая подлинная наука, классика исходит из диалектического детерминизма, из реальных законов и противоречий. И потому приходит к верному выводу, что наука такой же объект эксплуатации и отчуждения при капитализме, как и сам труд. «Наука вообще 'ничего' не стоит капиталисту, что нисколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал присваивает 'чужую' науку, как он присваивает чужой труд»<sup>16</sup>.

Будучи для капитала объектом эксплуатации, наука и знания никак не могут выступать в роли освободителей общества от эксплуатации человека чело-

веком. Напротив, капиталисты отчуждают и присваивают науку в точности по тем же самым законам, по каким осуществляется капиталистическое применение машин. Впрочем, машина сама по себе и есть носитель материализованных научных знаний. *Поэтому не может быть капиталистического применения машин и некапиталистического применения знаний.* Напротив, закон капиталистического присвоения требует коммерциализации науки и знаний, т.е. форсированного превращения их в капитал. В общем, не знания подчиняют себе капитал, а капитал подчиняет себе знания и их носителей.

Иллюзии, когда их ложность становится достоянием сознания масс, рассыпаются в прах. Так будет и с ложной иллюзией «постиндустриализма». Обретение интеллектуальным трудом массового и всеобщего характера есть значимая тенденция. Но она свидетельствует не о прекращении капитализма; она является признаком его восхождения на более высокую, государственно-корпоративную стадию развития. Естественно, работники умственного труда столь же мало заинтересованы в достижении реально возможной производительности, сколь и работники физического труда. Так что ограничительные пути отнюдь еще не сняты с научно-технического прогресса.

Со своей стороны капиталисты также стремятся как можно дольше держать в секрете новейшие технологические открытия и научно-технические достижения, т.е. противостоят процессу повышения технического строения совокупного производительного капитала. Дело тут не в поведенческих мотивах, к которым столь явную слабость питает отпочкование А. Маршалла, не в добре и зле. Причина отчетливо иллюстрируется моделью действия закона капиталистического присвоения: пока техническое строение отдельных капиталов поднимается до общественного уровня, или уровня совокупного капитала, происходит понижение общей нормы прибыли. Поэтому у владельцев капиталов более высокого строения прямая заинтересованность в том, чтобы всеми доступными средствами, включая внеэкономические, блокировать научно-техническое развитие капиталов низкого строения.

Так объективные ограничения научно-технического прогресса дополняются соответствующими им субъективными, притом на стороне и класса наемных работников, и класса капиталистов.

В связи со сказанным выясняется интересный нюанс. Оказывается, для ограничения научно-технического прогресса капиталом установление какой-либо монополии вовсе не обязательно. Имеется монополия или не имеется – возникновение и наличие рассматриваемых ограничений от этого совершенно не зависит. Главное, от чего они зависят, представляет собой феномен относительной прибавочной стоимости. Капиталист, чей капитал по своему строению позволяет присваивать относительную прибавочную стоимость, всемерно противостоит инновациям на всех уровнях экономики. Волей-неволей, объективно вынужден он выступать консерватором вместо новатора.

Почему дело обстоит так, а не иначе, разъяснил научный анализ К. Маркса. Как выяснилось, специфически капиталистическая форма, в которой происходит развитие производительных сил общества на базисе капитализма, низводит их до положения производительной силы не труда, а капитала. Соответственно, критерием отношения капиталистов к прогрессу выступает экономия именно капитала, экономия издержек капитала, включая издержки на рабочую силу. Для капиталиста решающее значение имеет экономия на постоянном и переменном капитале, но не экономия общественного труда как такового.

«Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, постоянно действующую тенденцию к сокращению рабочего времени, необходимого для производства товара, то есть к уменьшению стоимости товара ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала»<sup>17</sup>.

Тем самым прогресс втискивается в узкие, относительно общественного труда, рамки эффективности производительного капитала, измеряемой увеличением эксплуатации живого труда и выжимаемой прибавочной стоимости. Вот почему владелец капитала с более высоким органическим строением заинтересован в максимально продолжительном сохранении низкого технического уровня у чужих для него капиталов. При отставании от них он новатор, а при опережении – консерватор. Дело, как видим, не в монополии. Истиной причиной криволинейного научно-технического прогресса при капитализме служит частнокапиталистическая собственность на средства производства.

Класс капиталистов всегда внутренне разделен на консерваторов и новаторов. Но ни монополия, ни конкуренция, ни предпринимательство не имеют ни малейшего отношения к такому внутриклассовому разделению. Оно порождается структурой совокупного капитала, соотношением закрепленных частнокапиталистической собственностью долей между низким и высоким составами.

Поэтому попытка самозванной «неоклассики» причислить к «силам зла» только монополию уводит в сторону от истины. В действительности ограничения, накладываемые на научно-технический прогресс, генерируются основным противоречием капитализма, т.е. антагонизмом между трудом и капиталом. Вполне понятно, от чего отвлекает внимание ложная фиксация на монополии: от фундаментальных противоречий капиталистической формации, в том числе от противоречия между общественным характером труда и частнокапиталистическим способом присвоения.

Внутренняя природа самого капитала как постоянно накапливаемого количества отчужденного труда – таков главный ограничитель научно-технического прогресса и производительности труда при капитализме. В конечном счете, выявление достижимого уровня производительности происходит через периодические кризисы, окольный путем, принудительно и насильственно. В общем, капитализм прокладывает не прямую магистраль прогресса, а окольный и зигзагообразный путь, движение по которому поддерживается косвенными стимулами и возможно только при регулировании базовой пропорции между капиталоемкостью и трудоемкостью.

Научная конкретизация причины и непосредственного источника относительной прогрессивности капиталистического производства по сравнению с простым товарным обогащает знания об объективных пределах капиталистической формации. Капитализм есть общественно-экономический строй, затратный и расточительный в силу самой своей эксплуататорской сущности. Он требует сокращения затрат только необходимого труда и всемерного увеличения затрат прибавочного труда, ибо прибавочная стоимость и прибыль есть не что иное, как овеществленное количество затраченного прибавочного времени наемных работников.

Затратная природа, таким образом, это имманентный капитализму атрибут, который искореним лишь вместе с самим капиталистическим строем.

**Заключение.** Думается, представленных аргументов достаточно, чтобы различать относительный характер прогрессивности капитализма, а также исторические ее границы и объективную ограниченность. Капиталистический способ производства стимулирует относительное трудосбережение, а не абсолютное. Отсюда ограниченность его с точки зрения материальных стимулов к производительному труду.

Подытоживая аргументацию, правомерно заключить: эксплуататорский по своей объективной природе, капитализм не является и в принципе не может быть абсолютно прогрессивным общественно-экономическим строем. На пути человечества к обществу абсолютного прогресса он выступает всего лишь промежуточной, хотя и необходимой вехой.

Изложенным по сути предопределен результат сравнения капиталистического присвоения с производительно-трудовым: второе несопоставимо прогрессивнее первого. Если возвратиться на мгновение к фигурантам не раз уже разобранным примерам, то присвоение пропорционально производительности

труда содержит в себе как раз прямые стимулы к трудосбережению и прогрессу, к непрерывной экономии рабочего времени. Причем эти стимулы одинаково значимы и, в отличие от ситуации при капиталистическом присвоении, не пропадают ни для женщины, производительность труда которой выше, ни для мужчины, у которого производительность ниже.

Общество, основной закон которого предписывает накопление экономии живого труда, а соответственно – производительно-трудовой способ присвоения, будет напрямую заинтересованным в абсолютном и безостановочном прогрессе трудосбережения, в безграничном развитии своей производительной силы. Но и такое общество – еще не вершина социально-экономического прогресса. Оно стоит выше капиталистического, и тем не менее также является всего лишь переходным к исторически самому высшему.

На вершине формационного прогресса история поставит такое общество, которое живет по закону свободного времени как по основному своему экономическому закону, регулируется нормой свободного времени, имеет своим экономическим базисом общественное воспроизводство, а значит и накопление свободного времени как времени, расходуемого на превращение науки в непосредственную производительную силу общества.

Что касается ближайшего будущего капитализма, то в передовых индустриальных странах оно характеризуется все более явственным вступлением на исторически последнюю стадию развития капиталистической формации – стадию государственного капитализма. С каждым новым кризисом начала и отношения госкапитализма будут укрепляться, идти вишь и вглубь. А госкапитализм означает не что иное, как первое отрицание капитализма, вырастающее еще в недрах капиталистического базиса. За первым отрицанием в скором времени последует второе, уже решительное и бесповоротное. Норма прибыли канет в прошлое, уступив господство норме свободного времени человека.

---

<sup>1</sup> Приведенное определение дано в соответствии с *трудовой теорией свободного времени*, рассмотрение основ и принципов которой требует отдельного изложения.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Закон стоимости и цена производства (текущий этап дискуссии) // Экономист. 2007. № 9.

<sup>3</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 431.

<sup>4</sup> Там же. Т. 25. Ч. I. С. 29.

<sup>5</sup> Samuelson, P. Understanding the Marxian Notion of Exploitation: A summary of the so-called transformation problem between Marxian values and competitive prices / *The Journal of Economic Literature*. June 1971. Volume IX. Number 2. P. 404.

<sup>6</sup> Ibid. P. 406.

<sup>7</sup> Ibid. P. 404.

<sup>8</sup> Ibid. P. 404.

<sup>9</sup> Ibid. P. 405.

<sup>10</sup> Подробнее см.: Закон стоимости и цена производства (текущий этап дискуссии) // Экономист. 2007. № 9.

<sup>11</sup> Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. – М.: «Мысль». 1991. С. 188.

<sup>12</sup> Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. The Glasgow Edition Of The Works And Correspondence Of Adam Smith. Vol. II. Oxford: Clarendon Press. 1979. P. 11.

<sup>13</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 419.

<sup>14</sup> Там же. Т. 23. С. 330.

<sup>15</sup> Там же. Т. 23. С. 659.

<sup>16</sup> Там же. Т. 23. С. 398 (примечание).

<sup>17</sup> Там же. Т. 25. Ч. II. С. 453.